

съ Шиллеромъ въ созерцаніи греческой жизни (какъ, напримѣръ, въ «Прометѣѣ» и «Коринтской Невѣстѣ»),—онъ отыскивалъ въ немъ и выражалъ болѣе философскую его сторону. И въ этомъ отношеніи Гёте былъ вѣренъ своему духу. Романтическое направленіе Жуковского совершенно внѣ сферы Гётева созерцанія, и потому Жуковский мало переводилъ изъ Гёте, и все переведенное или заимствованное изъ него перемѣнялъ по своему, за исключеніемъ только чисто-романтическихъ въ духѣ среднихъ вѣковъ пьесъ Гёте, каковы, напримѣръ, баллады: «Лѣсной Царь» и «Рыбакъ». И если талантъ Жуковского, какъ переводчика, совершенно внѣ сферы поэзіи Гёте,—отсюда нисколько еще не слѣдуетъ, чтобъ причиной этого была высота генія Гёте. Жуковский переводилъ же превосходно Шиллера, а геній Шиллера ничѣмъ ни ниже генія Гёте. Вообще мысль считать Шиллера ниже Гёте—и нелѣпа, и устарѣла. Жуковский—необыкновенный переводчикъ, и потому именно способенъ вѣрно и глубоко воспроизводить только такихъ поэтовъ и такія произведенія, съ которыми натура его связана родственной симпатіей.

«Идеалы» Шиллера переведены не совсѣмъ удачно. Переводъ этотъ относится къ первой порѣ поэтической дѣятельности Жуковского. Ужъ одно то, что, переводя эту пьесу, онъ перемѣнилъ названіе ея «Идеалы» на «Мечты»—одно ужъ это показывается, какъ не глубоко вникъ онъ въ мысль ея. Многіе стихи въ этой пьесѣ просто нехороши; многія выраженія лишены точности и опредѣленности. Вотъ для доказательства цѣлый куплетъ:

И неестественнымъ стремленьемъ
Весь міръ въ мою тѣснился грудь;
Картиной, звукомъ, *выраженьемъ*,
Во все я жизнь хотѣлъ вдохнуть,
И въ тѣнѣхъ стѣни сокрытой,
Сколь пылкимъ мнѣ казался светъ...
Но, ахъ, сколь мало въ немъ развито!
И малое—сколь бѣдный цвѣтъ!

Какъ-то чувствуется само собой, что вмѣсто «выраженьемъ» надо было поставить «словомъ»; послѣдніе четыре стиха такъ не ловки, что едва-едва можно догадываться о мысли Шиллера.

Другимъ образомъ, но также неудачно, переведена пьеса Байрона, начинающаяся въ переводѣ стихомъ: «Отымаетъ наши радости». Жуковский далъ ей совсѣмъ другой смыслъ и другой колоритъ, такъ что Байроновскаго въ ней ничего не осталось, а замѣненнаго переводчикомъ, послѣ даже прозаическаго, но вѣрнаго перевода, нельзя читать съ удовольствіемъ. Вотъ самый близкій прозаическій переводъ пьесы Байрона:

„Нѣтъ радостей, какія можетъ дать намъ міръ,
въ замѣну тѣхъ, которыя онъ отнимаетъ у насъ

Соч. Бѣлинскаго. Т. III.

въ то время, когда ужъ жаръ первыхъ мыслей остываетъ въ печальномъ увяданіи чувствъ. Не одна только свѣжесть ланитъ выветъ скоро,—нѣтъ, свѣжій румянецъ сердца исчезаетъ прежде самой юности.

И эти немногія души, которымъ удается уцѣлѣть послѣ ихъ разрушеннаго счастья, наплываютъ на мели преступленій или упосаются въ океанъ буйныхъ страстей. Ихъ путеводный компасъ изломанъ, или стрѣлка его напрасно указываетъ на берегъ, къ которому ихъ разбитая ладья никогда не причалитъ.

Тогда-то сходить на душу тотъ мертвенный холодъ, подобный самой смерти; сердце не можетъ сочувствовать страданіямъ другихъ, не смѣетъ думать о своихъ собственныхъ страданіяхъ; ручей слезъ покрывается тяжелой ледяной корою; а если и блестятъ еще очи, то это блескъ льда.

Хотя остроуміе порой ярко сверкаетъ еще въ устахъ, и смѣхъ развлекаетъ сердце въ часъ полуночи, которые не даютъ уже прежней надежды на успокоеніе, но все это какъ листья плюща, обвивающіеся вокругъ развалившейся башни: зеленые и дико-свѣжіе сверху, сѣрые и землистые снизу.

О, если бъ могъ я чувствовать, какъ чувствовалъ прежде, быть тѣмъ, чѣмъ былъ... или плакать объ исчезнувшемъ, какъ, бывало, плакалъ... Какъ бы ни былъ мутенъ и нечистъ ручей, найденный нечаянно въ пустынь, онъ кажется сладостнымъ и отраднымъ: такъ отрадны были бы мнѣ мои слезы среди опустошенной степи моей жизни.

Сличите, хоть второй куплетъ нашего буквального прозаическаго перевода съ стихотворнымъ переводомъ Жуковского:

Наше счастье разбитое
Видимъ мы игрушкой волнъ;
И въ далекій мракъ сердитое
Море мчитъ нашъ бѣдный чолнъ.
Стрѣлки нѣтъ путеводительной,
Иль вотще ея магнитъ
Въ бурю къ пристани спасительной
Чолнъ безпарусной манитъ.

То ли это?... Въ послѣднихъ двухъ куплетахъ еще болѣе искажена мысль Байрона.

Но странное дѣло!—нашъ русскій пѣвецъ тихой скорби и унылаго страданія обрѣлъ въ душѣ своей крѣпкое и могучее слово для выраженія страшныхъ подземныхъ мукъ отчаянія, начертанныхъ молніеносной кистью титаническаго поэта Англіи! «Шильонскій Узникъ» Байрона переданъ Жуковскимъ на русскій языкъ стихами, отзывавшимися въ сердцѣ какъ ударъ топора, отдѣляющій отъ туловища невинно осужденную голову. Здѣсь въ первый разъ крѣпость и мощь русскаго языка явилась въ колоссальномъ видѣ и до Лермонтова болѣе не являлась. Каждый стихъ въ переводѣ «Шильонскаго Узника» дышитъ страшной энергіей, и надо совершенно потеряться, чтобъ выписать лучшее